

ГБОУ МОСКОВСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ ШКОЛА
г. Москва

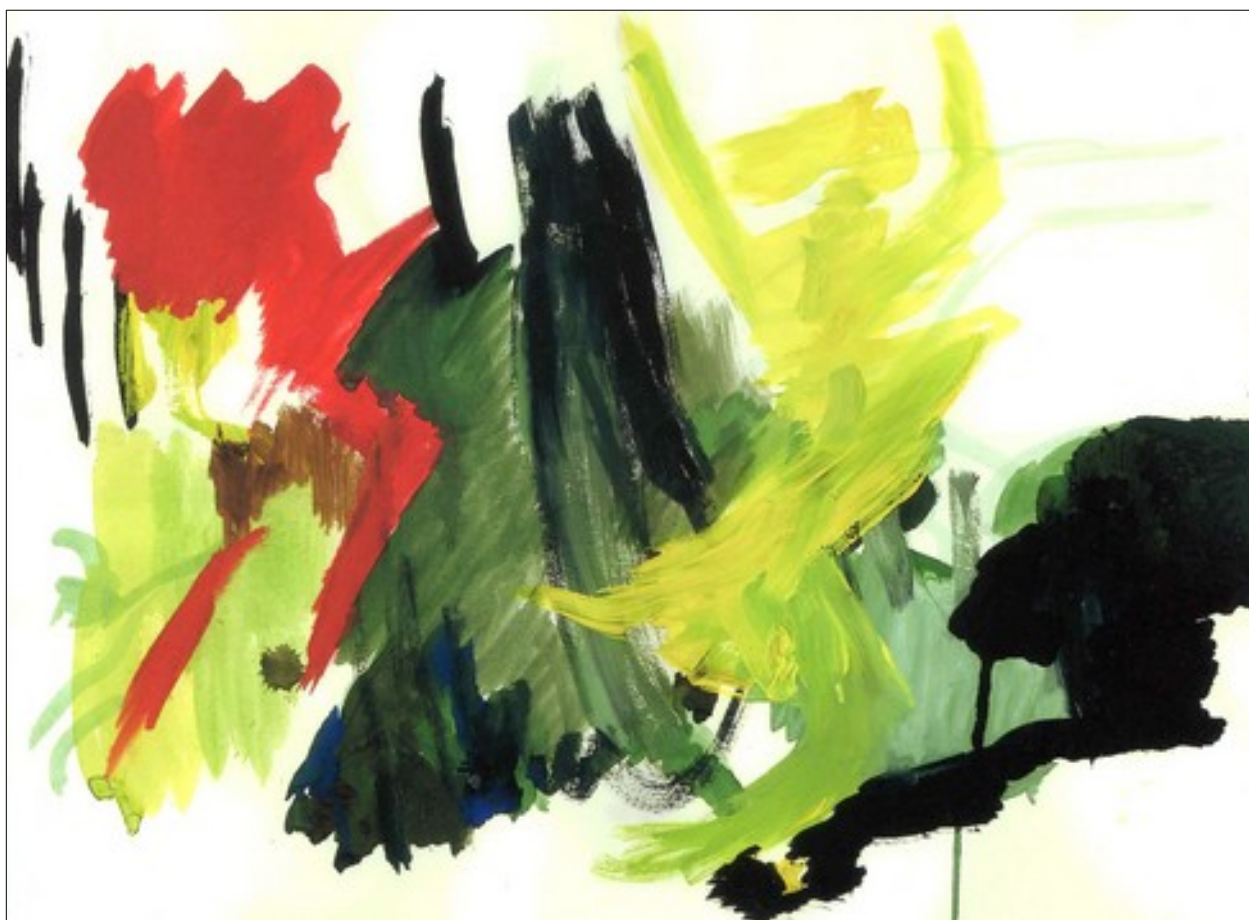
*Мемориальный музей Евгении Коваленко
(7 апреля 1980 — 13 октября 2000 гг.)*

«ВДОХНОВЕНИЕ»

*Альманах
творческих работ учеников школы
«Литературный дебют»*

выпуск 21

2020 год

ЕВГЕНИЯ КОВАЛЕНКО. ТАНЦУЮЩИЕ В ТЕМНОТЕ, 1999

Альманах «Вдохновение»

(выпуск 21)

*включает творческие работы учеников школы
«Литературный дебют»*

Составитель:

*Эльвира Александровна Арфьева
учитель русского языка и литературы
Заслуженный учитель России*

*А ты, младое вдохновенье,
Волнуй моё воображение,
Дремоту сердца оживляй,
В мой угол чаще прилетай,
Не дай остыть душе поэта.*

А.С. Пушкин

Вдохновение... Его призывает и поэт, и артист, и учитель. Оно создаёт особую атмосферу, в которой рождается творчество: творчество учителя, создающего урок, и ответное творчество учеников. Только при таком условии формируется устойчивое желание постигать, узнавать, исследовать, тогда рождаются идеи, требующие воплощения на школьной сцене, в интеллектуальных играх, в творческих альманахах.

Ян Корчак писал: «Поэт - это такой человек, который сильно радуется и сильно горюет, легко сердится и крепко любит, который глубоко чувствует, волнуется, сочувствует. И дети такие». Дети – конечно же, поэты. И задача взрослых, родителей и школы, не дать «остыть душе поэта», побуждать к творческому поиску. В кабинете литературы нашей школы богатейший материал «пробы пера» юных поэтов. Стихи старшеклассников предыдущих поколений поражают воображение сегодняшних молодых людей, часто возбуждают желание попробовать себя в мире поэтических созвучий, выразить своё отношение к жизни.

В музее Евгении Коваленко, знакомясь с картинами автора, её опытами в публицистике и драматургии, телерепортажами, внимательные юноши и девушки удивляются тому, как в работах Жени странным образом совмещается яркая детская наивность рисунка с глубоким остро и жестко поставленным вопросом: «Зачем и как мы живем?». А философские и критические статьи Жени открывают для них глубокий мир **ВДОХНОВЕННОЙ** личности.

Читая, думая, размышляя, включаясь в творческий поиск, молодой человек начинает томиться «духовной жаждой», формирует в себе человека чувствующего и сочувствующего. Результатом творческого поиска и становятся альманахи юных поэтов.

Дай Бог любимых обнимать,
Не усомниться в лучшем друге.
Дай Бог вам видеть, понимать,
Чтоб не пропасть в житейской вьюге.
Дай Бог вам радости, мечты,
И совести, и укоризны.
Дай Бог небесной чистоты,
И дай вам Бог мгновенье жизни.

*АРЕФЬЕВА ЭЛЬВИРА АЛЕКСАНДРОВНА,
ЗАСЛУЖЕННЫЙ УЧИТЕЛЬ РОССИИ*

ТРУД – ГЛАВНОЕ ДОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Каждый труд благослови, удача!

Я считаю, что человек может сыграть важную роль в жизни родной страны и оставить свой вклад в истории Отечества. Каждое поколение нашей большой и дружной семьи старается чтить и уважать традиции: честно и добросовестно служить своему делу на благо Отечества.

Например, моя прапрабабушка Галенкова (в девичестве - Яковлева) Алевтина Николаевна (1926 года рождения) в возрасте 15 лет училась в ярославском фельдшерском медицинском училище. Во время войны студенты этого училища сплавливали лес по Волге к Сталинграду. Они стояли по пояс в ледяной воде и баграми отправляли бревна вниз по течению для нужд фронта. Там Алевтина Николаевна получила хроническое воспаление лёгких.

Прабабушка, рассказывая о своей маме, восхищалась не только её силой воли, но и её жизнелюбием и энергией. Прапрабабушка искренне верила в строительство коммунизма и, когда ей исполнилось девятнадцать лет, вступила в ряды Коммунистической партии Советского Союза. Партия обладала монопольным правом на политическую власть и провозглашалась «руководящим ядром» государственных и общественных организаций трудящихся. А в принятой в 1977 году Конституции СССР КПСС была провозглашена руководящей и направляющей силой советского общества в целом. Размышляя о том времени, я понимаю, что важно обладать стойким характером, выносливостью, трудолюбием. Какая же прапрабабушка была не по годам сознательная, честная, настоящая, стойкая!

С 1945 года Алевтина работала фельдшером в больнице города Ярославля, преподавала и руководила танцевальным кружком в клубе «Гигант».

Во время Великой Отечественной войны в клуб были эвакуированы деятели искусств из Эстонии. Здесь они жили и работали. Именно здесь стали создаваться творческие коллективы будущего эстонского искусства.

В 1948 году выйдя замуж за офицера Галенкова Александра Ивановича (1923 года рождения), Алевтина Николаевна переехала в Подмоскowie, по месту службы мужа, где он был политработником лётного полка. Здесь она проработала более 50 лет - сначала медицинской сестрой, а потом и старшей медицинской сестрой в ЦРБ – центральной районной больнице - города Ногинска. Коллеги и пациенты любили и уважали Алевтину Николаевну за её профессионализм, трудолюбие, доброту и отзывчивость.

На центральной улице города Ногинска, на доске славы «Лучшие люди города» её портрет много лет занимал почётное место.

Алевтина Николаевна вырастила двух дочерей, одного сына и пятерых внуков. Сын трагически погиб в молодом возрасте. А одна из дочерей - Заслуженный учитель РФ, дважды лауреат конкурса «Грант Москвы» в сфере образования.

Алевтина Николаевна ушла на пенсию в 2001 году в возрасте 75 лет.

Умерла в 2007 от обострившегося хронического воспаления лёгких, полученного во время Великой Отечественной войны.

Таким образом, за тяжёлую работу, добросовестный труд и неоценимый вклад в историю своей страны Галенкова Алевтина Николаевна получила звания ветерана труда, ветерана войны и ударника коммунистического труда.

Как писал В. Брюсов:

«В мире слов разнообразных,
Что блестят, горят и жгут, -
Золотых, стальных, алмазных, -
Нет священной слова: «труд!»»

Виктория Жужина

МОЙ ПРАДЕД

Мой прадед, Александр Иванович Галенков, родился на Волге, в городе Ярославле, в 1923 году Александр и два его младших брата хорошо рисовали, мечтали стать художниками, но началась война, и он был направлен на краткосрочные курсы командного состава.

Зимой 1942 года в звании младшего лейтенанта его зачислили в роту связистов политруком. Александр Иванович воевал на Северном Кавказе и на I Украинском фронте, испытал горечь отступления и мощь атаки, прошёл с боями по горячим дорогам Крыма и Кавказа.

Осенью 1943 года лейтенант Галенков был ранен в лицо под городом Бердичев. Пуля прошла навылет через обе щеки, оторвала ноздри, травмировала челюсти так, что выпали все верхние зубы. Кудесники врачи поддержали 20-летнего парня, искусно сделали не одну операцию на лице.

Там, в госпитале, произошло еще одно чудо: он встретился со своим отцом, Ледневым Иваном Евграфовичем. Фронтовая удача, военные дороги свели вместе двух солдат, отца и сына. После госпиталя Александр Иванович вернулся в свою стрелковую Таманскую краснознамённую ордена Суворова дивизию. В июле 1944 года как командир роты связи обеспечил связью КП полка при форсировании Днестра, за что был награждён орденом «Отечественной войны II степени».

Победный май 1945 года старший лейтенант Галенков встретил в Венгрии, где бои ещё продолжались и после 9 мая. Домой он вернулся один, средний брат погиб, защищая отход разведотряда. Отец умер от ран после войны.

После войны он служил в лётном полку Подмосковья политработником, а в свободное время рисовал мирное небо, золотые поля – всё, что победители оставили нам, своим детям, внукам и правнукам!

Виктория Жужина

ЗАЧЕМ МОЙ ТРУД

Зачем мой труд? Кому он нужен?
Я строю мир, но он погружен
На утопическое дно.
Но если я, как творец,
Пройду по чаше и я не выплесну ни капли,
То может быть хоть кто-то взглянет на меня?

Арсений Боярский

ПОСВЯЩАЕТСЯ ****

Где же та? Кем я окован?-
И в голове все пустота.
Слова, как чистая неправда,
пришли в мой разум
И тогда...
Но как забыть? Чувств желанных
Здесь будто маленький вагон.
Я в нем приезжий, запоздалый,
Свернуть во тьму я не готов,
Забыв тебя, о моя муза, ты
Разожгла во мне костер,
Мои надежды все уснули,
легли на пламенный ковер.
И я уснул, но в сердце пламя -
оно горит, горит огнём.
Огнём любви, огнём страданий,
огнём надежд.

Арсений Боярский

ТВОРЕЦ

И рай, и ад, мне нет пристанья.
Я выжжен, будто в солнечном ядре.
Зачатье главного познания
Скончалось на земле.
И нет мне выбора порою, зато есть свет,
За ним конец.
А я и сам творец.
Творцу нет жизненного счастья, как будто
В ссылке роковой...
Кровава рукопись познания,
А в голове все он...покой.
Возможно, я пишу зачатые
На очень долгие века...

Арсений Боярский

СЛОВО

И в пожаре русского слова,
Жизнь бежит как кровавый ручей
Умирая мы встаем снова чтобы
Замок отпереть без ключей.
Как на старой Руси в упоенье
Сердце бьется не остановить .
Жизнь бежит, а с ней наслаждение,
Потому что хочется жить.

Арсений Боярский

НАЧНИ С СЕБЯ!

Каждый человек – часть природы, но, к сожалению, не все к ней бережно относятся.

Мы не всегда задумываемся над тем, что один наш нелепый поступок может нанести огромный ущерб природному балансу. Брошенный на землю пакет, фантик или огрызок яблока несёт за собой серьёзные последствия. Кто-то может считать, что это лишь капля в море, но ведь из таких маленьких капелек и получается большой океан. На планете Земля около семи миллиардов человек, и если каждый оставит на земле по фантику, произойдёт катастрофа. Если мы своим бездумьем искореним природу, то мы попросту исчезнем. Люди зависят от окружающего их мира.

Чтобы сберечь природу, нужно её полюбить. Всегда стоит начинать с себя. Поэтому, на вопрос «Люблю ли я природу», смело и гордо отвечу «да»! Любое место, любое состояние погоды по-своему прекрасно. Я люблю сидеть на берегу пруда, особенно в грозу: небо закрыто тучами, вспышки молний и грома заменяют друг друга, рогоз гнётся под сильным потоком ветра, а по глади воды расходится рябь. Люблю гулять по лесу, слушать шуршание листьев, пение птиц и хруст сухих веток. Люблю бегать босиком по полю, касаться травы, чувствовать аромат луговых цветов и ощущать прикосновения тёплого нежного ветра. Люблю ловить снежинки, слушать треск снега и скрип льда. Люблю встречать рассветы и закаты, всматриваться часами в звёздное небо и искать в облаках причудливые очертания. Природа всегда меня успокаивает, вдохновляет, наполняет новыми мыслями и идеями. Неужели нельзя любить наш мир только за это?

Если каждый человек задумается, поймет цену природы, нашу планету ждёт светлое будущее. Главное помнить – всегда стоит начать с себя, и всё получится!

Виктория Жужина

ВСЁ КАК У ЛЮДЕЙ

Моему любимому посвящается

- У нас всё будет нормально. Всё будет, как у всех, как у людей.
- Не смей. Пообещай, что у нас никогда не будет, как у людей. Никогда.

Брожу по туману. Он такой странный, приторно сладкий, отдающий нотками тревожности. Порой, иногда... Ты идёшь, наслаждаешься волшебной атмосферой, но волшебство бывает только в сказках, и это беспокоит. Ведь ты знаешь, что туман всегда что-то скрывает, и это что-то, даже если будет улыбаться конфетами, затащит тебя в такое болото, которое настолько незаметно затянет тебя, что стоит тебе раскрыть глаза, как ты поймёшь, что больше никогда не встанешь на ноги. И ты оглянешься вокруг и поймёшь, что тысяча, миллион, миллиард таких же существ затянуты вместе с тобой. Что вам уже никогда не разорвать этого шаблона.

Но нет, отгоняю нахлынувшие мысли. Нельзя поддаваться панике, а то пропустишь свой шанс выбраться и проведёшь оставшуюся жизнь в этой приторной туманности. Разве это лучше? Иду, пробираясь по... Лесу? Полю? Может быть, это просто пустота. Куда же она меня в итоге приведет.

Дым плавно клубится, перекачивается прямо перед моими глазами, касается моего тела, обволакивая. Будто куда-то подталкивает, ведёт... И что мне остаётся делать? Разве что только довериться проведению, слегка окунаясь в фатализм и чувствуя его безрассудное касание на своей щеке. И вот, туман постепенно расступается, пропуская меня, и собирается, уползает вверх, возвращается домой. А дома его, похоже, ждут серьёзные огорчения: может, он слишком надолго задержался у земли? И он начинает проливать свои тёплые слёзы, остывающие к моменту падения на мою кожу. Темно, сыро и слегка прохладно, но вместе с тем тело порой окутывает жар, и хочется раздеться. Вокруг меня уже пейзаж – лес. Большая лесная дорога, покрывающаяся целебной влагой и отдающая свой аромат воздуху, знакомящему его с моими лёгкими. Так свежо, но немного грустно. Иду под дождём, оглядываюсь, и сквозь заросли пробивается небесно-голубая вода. Так хочется остановиться – она притягивает взгляд и манит своей чистотой, своей прелестью. И рядом – чей-то голос. Кто это? Не знаю, да и не хочу знать. Он приятен, и просто хочется слушать. Даже если и хотелось бы, я всё равно не смогла бы оторвать взгляда от этого чудесного озера. Обрамлённое деревьями, оно будто прячется в неприступных берегах, и я не могу терпеть, подхожу к самому краю – крутому, покрытому травой и деревцами. Вода... Так манит.

И вдруг, не удержавшись, я падаю, падаю к самому дну, и мне не за что схватиться – деревья будто ускользают и не дают их коснуться, словно гибкие, ловкие кошки. Над головой – небо, затянутое тучами, мягкие, прохладные капли дождя, и, наверное, что-то ещё... Может, чей-то силуэт? Слишком темно, чтобы разглядеть, и я уже в прозрачной воде, поглощающей меня полностью.

Открываю глаза, и передо мной – озеро. Нет, уже совсем не то. Оно гораздо меньше, и это, похоже, маленький окультуренный парк: дорожки, спуски к воде, фонари, болтливые и не очень прохожие. Вечер, и люди мирно прогуливаются, щебеча о своём. Каждый – о своём. О том, как всё хорошо или плохо, о том, как всё обычно. И так хочется плакать. Почему? Не знаю. Не всем действиям соответствует логика. Не все реакции нужно пояснять. Не все желания имеют вескую причину на исполнение.

- Можно поплакать? – спрашиваю я пруд.
- Нельзя, – отвечает тихий голос, и я расстраиваюсь. – Ну, немного можно.

Похоже, надо мной сжалились. Это вызывает улыбку, и по щекам катятся слёзы. Ах, снова... Зачем же? Но немножко ведь можно, да? И я подбираюсь ближе к воде – она тёмно-тёплая в последних лучах уходящего солнца, и кажется, что внутри уже царит ночь. Ночь всегда затягивает сильнее, чем от неё ожидаешь. И я не могу не поддаться. Касаюсь грубой глади, вожу по ней, будто что-то ищущу. Что же? Не знаю. Но вижу кирпич. Кирпич... Какой маленький и бессмысленный, а ведь всё же, в кругу двойников – незаменимая деталь. Или, раз он лежит тут один, не такая уж незаменимая?

Поднимаюсь, пора идти, да и чем же я могу помочь этому маленькому камушку?

Кружится голова, и я прикрываю глаза, пошатываясь. Да, такое бывает, это скоро пройдёт. Но, тем не менее... Открываю глаза, и всё ещё продолжаю шататься. Ох, кажется, стою на чём-то неустойчивом... Осматриваюсь, и вокруг – всё та же лазурно-голубая вода, отливающая красками дневного вечера.

– Не упади, – вторит чей-то голос, и я недоумённо оборачиваюсь. – Ты промокнешь.

Ну что ж, я ведь в последнее время только и делаю, что промокаю, разве нет? Так что же будет, если промокнуть ещё раз? Верно, очевидно, снова ничего, но вода так отягощает. Может, поэтому с каждым падением становится всё тяжелее? Будто одежда тянет ко дну. Всё странно, и чувство лёгкости одновременно противопоставлено чувству отягощения. Так странно, и груди касается лёгкое тепло. Прикрываю глаза, но... Не держат ноги, и я срываюсь, пропадаю в затягивающей меня голубизне.

Открываю глаза, и вокруг – шум дождя. Осматриваюсь. Вся одежда мокрая и липнет к телу, прохладно, весь мир залит тяжёлыми каплями. Они стучат по асфальту, листьям, окнам, по маленькому убежищу, в котором я стою, глядя на омывающийся мир. Прохладно. И тут к себе прижимает тепло, пробивающееся сквозь мокрую ткань. Мокро, но тепло. Окутанная талия, укутанная в мягкость – прибежище, и с таким можно не бояться того серого однообразия, вгоняющего в лёгкую тоску. И на губах – улыбка, в груди – согревающий и обнадеживающий трепет. Разве так может быть страшно? Разве так может быть, как у всех? Но и здесь не суждено остаться надолго, ведь стена дождя всё увеличивается, усиливается, и вот, я уже полностью поглощена ей. Тепло, что согревало сквозь мокрую ткань, исчезло, и мне уже не за что хвататься руками. И я одна брожу по этой серой пустоте...

– Нужно будет подумать. Как насчёт сегодня вечером?

– Да, конечно. В тёплой ванне...

Оборачиваюсь на звуки голосов, но это не помогает, ведь дождь застилает глаза. На секунду закрываю глаза, моргаю, очищая себе обзор, но вот, моё тело уже обволакивает что-то тепло- горячее. Но мне не важно – я не чувствую ничего. Ни приятного, ни болезненного. Пустая ванная с одной лампочкой, единственной, что всё ещё горит. И мы смотрим друг на друга, а потом я отвожу взгляд на потолок – тёмное спокойствие, что надо мной. Вода постепенно уходит в слив, обсасывая моё тело, но мне всё равно. Она будто забирает меня с собой, и я была бы этому только рада. Никакого удовольствия... Как можно сделать столь приятное занятие столь мерзким? И мы уходим вдвоём с остывшими каплями, любезно составившими мне компанию – уходим в слив, спускаясь по трубам и полностью отдавая себя течению.

Но тут поток вышвыривает меня на влажную улицу, и, будто придав мне сил, даёт звонкости голосу, даёт толчок, и моя рука вырывается вперёд с гордым одиноким цветком. И сердце колотится, и дыхание перехватило, а щёки горят, и в ответ – тишина. И так страшно, будто сделал что-то не то, хотя как?

– Зачем?

– А разве всё должно идти, как должно?

Кусочек тепла, и тёплые капли, упавшие на плечи. Закрываю глаза, и – пелена. И снова... Но капли тёплые. Такие тёплые, и на губах – привкус соли. Небо плачет. Проливает своё горе на меня, ведь рядом больше никого нет. Снова. И капли тёплые, а мне так до жути холодно, словно теперь я сама Север. И куда, что делать, как? Почему никого нет вокруг? Почему так холодно? Мечусь по мутноватой солёной пустоте, поминутно облизывая губы и вытирая глаза. Но никакого ориентира нет, и только случайные обрывки фраз впиваются, как иглы, и я как в центре разъярённого улья.

Мотаюсь, как загнанный зверь, и хриплю, из последних сил скалю зубы от бессилия. И животный страх владеет всем моим телом, ведь теперь, потеряв тот кусочек тепла, что мне делать, как мне согреться? Как мне подняться на ноги? Страх... Падаю на пол и бью кулаком по воде, и капли разлетаются в стороны, и их прибывает другими, и всё копится, копится, заливаюсь мне в горло, раздражает, перебивая плохое хорошим, а хорошее, в итоге, плохим.

Как так вышло? Почему рядом снова... Снова никого... Нет?..

Вздрагиваю, распахиваю глаза и глупо ими моргаю, пытаюсь привыкнуть к свету, что решает отразиться от моих зрачков. И тут что-то касается моего носа, и я пытаюсь скосить глаза, чтобы понять, что потревожило его покой. И там – палец, за которым следует лёгкий смешок. Недоумённо поднимаю глаза, приводя себя в... порядок? Сверху смотрит сама Осень, переплетая опавшие листья с моими волосами. Смотрит, улыбается, пригрев меня у себя на коленях – мягких и тёплых. И я лежу, а вокруг – высокая, по пояс, трава, униженная всевозможными цветами и пронизанная тропками. А надо мной – светлое небо и ласковое солнце, так сдружившееся с Осенью, играющее в шёлковых волосах и перебирающее светлые ресницы.

«Когда-нибудь я их пересчитаю», – думаю. – «И никто не будет знать, сколько ресниц у Осени, а я – буду».

Глупо смотрю на то, что так боюсь потерять, лишь только обретя и осознав ценность. И не могу поверить в тот кошмар, который может меня ожидать. Не хочу верить. Да, что было – это ещё не кошмар, это лишь назойливый стервятник, сгниющий без подкормки. Всё смотрю и не могу налюбоваться, и говорить – нечего. Кто ещё может похвастаться знакомством с Осенью? Пожалуй, никто, и эта мысль греет.

– Нам пора. Вставай.

И так хочется полежать ещё немного, понежиться, отжаться, но до следующего привала ещё далеко. В самом деле, нужно идти дальше. Ходьба – тоже отдых, если она приятна. А следующий привал избавит от её минусов вроде усталости ног и спины. Но чтобы его ощутить, это наслаждение отдыха, нужно сначала пройтись, а там мы сможем сделать почти всё, что захотим, ведь это – целиком и полностью, совсем один только наш привал.

И я поднимаюсь, тянусь к небу, и мою руку обволакивает нежное тепло. То самое тепло, которое так внезапно решило покинуть во сне, чтобы вернуться в столь прекрасном обличии в реальности.

– Идём, – шепчет Осень, и я не могу отказать.

И я иду, а пока буду идти, придумаю следующий привал. Потому что он только лишь наш.

Анастасия Шушкова

ИЗМЕНИТЬ ВСЁ

Художнику посвящается

- Тут написано нехорошее слово. Как можно так писать? Ты же его исправишь, да?
- Я всё когда-нибудь исправлю. Весь мир перекрашу, если разрешат.

Голые стены, унылый дом – наши унылые будни и выходные, почти ничем не отличающиеся от них. Нам всем хотелось бы, чтобы мир был ярче, лучше. Нам всем хотелось бы, чтобы жить было интереснее и веселее. И мы придумываем себе сцены, живём в них каждый день, представляя и надеясь, что когда-нибудь они воплотятся в реальность, чтобы развеять этот туман скуки. Конечно, к сожалению, мы не умеем раскрашивать небеса и деревья, не можем произвольно менять цвет листьев и настраивать яркость. Но мы можем раскрасить стены. Можем исправить их под нас, не мечтая, а делая. Делая хоть что-то.

И вот, голая стена обычного серого многоэтажного дома преобразается, представляя нам чудесных снегирей – красногрудых зимних птичек, и от стены веет приятным солнечным морозом, пробирающим тебя насквозь, отдающим лёгким покалыванием на щеках. Зимний мир, где царит вечная яркая холодность, смеживается с влажным лесом, наполненным дикими животными, которые предстают перед нашими глазами дружной семьёй тигров. Они смотрят с голых стен, смотрят из чаши, показывая своё превосходство над нами и немо зовя к себе. Они опасны, но внушают лишь завораживающее чувство доверия, желание войти к ним, шагнуть в стену и почувствовать влажную тень ниспадающих листьев, ощутить сказочный мир, столь часто смотрящий на нас с экранов, но никогда не завораживающий так, как сейчас. Никогда ещё чужой мир не был так далёк, близок и желанен одновременно.

Поднимаемся выше, и лестничная клетка дарит нам чудесное звёздное небо – карту, отображающую лишь малую часть того, что мы можем увидеть. Но карту, притягивающую и затягивающую в эту густую синеву космоса – к далёким холодным крупинкам звёзд. И уже не хочется видеть мир за окном. Не хочется подниматься выше, чтобы смотреть на небо, любоваться этими крохотными рассыпанными точками. Хочется прикоснуться к холодной безжизненной стене и окунуться в прохладную обволакивающую жидкость, субстанцию, которой ещё не придумали названия. Хочется войти навсегда, зная, что никогда не будешь там чужим, не будешь там не принят. И ты уже касаешься этой искусственной красоты, почти проникаешь в неё, и пусть не телом, но разумом ты подвержен тому, что видишь.

Наш мир полон всякой гадости, он не любит правильных и красивых людей. Разве что по-извращённому красивых. Разве что по-словесному правильных.

Он полон пороков и полон проблем, полон лжи и боли, бед и страданий. Полон тем, чему место только лишь в клоаке. Но всегда, в каждом поколении находятся люди, которые любят его по-настоящему, в самом деле желая изменить. Желая раскрасить так, чтобы никто не видел под слоем зим и лесов грязи, не видел пустой стены. Перекрасить весь мир – невозможно. И невозможно раскрасить его снаружи, словно детские книжки с белыми пейзажами и животными. Но влить краску в его нутро, начать мастерить образ, который ты желаешь видеть, донести его через изображение до тех, кто не стремится к сказке – это реальность.

И ты смотришь, как солнце поднимается над морем, и чувствуешь дуновение солёного ветерка, отголоски чаек и волн – и понимаешь, где ты хочешь быть и что ты хочешь увидеть. Чего ты хочешь добиться. И начинаешь строить, строить мост в сказку – нарисованный мир. Мир, который можешь перекрасить, как угодно, только ты.

Анастасия Шушкова

ЦВЕТЫ

Две несоизмеримо нескончаемые синевы: небо и поле. Небо, покрытое лёгкими перистыми облаками-накидками; поле, расстеленное одеялом только для одного человека. Щедрое, но избирательное. Чистое, но способное отдаться лишь одному. Голубые цветы на тонких зеленоватых ножках с прозрачными ответвлениями-листочками ткали чудесный ковёр, невероятно мягкую обитель, хлопково принимающую на своё тело. Лепестки щекочут щёки и сплетаются с волосами, — такого же цвета — будто пытаюсь принять их к себе. Поле ласкает и нежно нашёптывает тишину в уши, позволяя проникать лишь лёгкому шелесту ветра, который ласковыми прикосновениями покачивает изящные создания. Тело будто окутано чем-то мягким, будто земли и вовсе не существует, и ты всё ещё паришь в небе, далеко от земного, там, в загадочном слое между облаков, где свой мир, состоящий только из нежных созданий, впитавших в себя голубизну неба. Неба, которое здесь повсюду.

Между пальцев пристроился один-единственный цветок цвета солнца — сверкающий, тёплый, отдающий энергию одним своим видом. Единственный в своём роде. Почему именно он, а не тот голубой, которых столь много вокруг? Почему именно он был аккуратно пойман мягкими подушечками? Почему вообще здесь – цветы?..

Ветер трепет волосы, раздувая и взъерошивая красочные пряди, будто стремясь спутать их владельца и унести их в небо, к остальному голубому, чтобы воссоединить разрозненные части. В такт шагам юбка взлетает вверх при каждом выбросе колена, потом опускается и снова – круг волнообразных движений. Синяя юбка, чёрное пальто – чуть не то, что представлялось бы, если бы взгляд был обращён только на цвет волос. Хотя, кто знает, какое мнение у людей? Это загадка.

Тёмно-синие полы колышутся, будто стремясь увести их хозяина к той среде, которая более близка им – воде. Тёмной, холодной воде, которая плещется, разбиваясь, о камни, слизывая с них оставленную ранее пену. Биться и облизывать... Подлизываться? Выразить свою преданность? Волны – такие странные создания. Не можем понять их, а пытаемся познать суть человека.

Мыски ботинок – единая линия с бортиком, ничем не огороженным, открывающим путь в бесконечную синеву. Она плещется там, внизу, она открывает свои многочисленные рты, призывая окунуться в себя, погрузить тело в вечность. Взгляд направлен вниз, на стихию, которая всегда привлекала и манила, но чья опасность всегда маячила на подкорках сознания. Взгляд – пустой и уже безразличный. Давно ли? Кто знает. Никаких мыслей, ничего: путаница привела к полному опустошению, и вот вместо огромного запутанного клубка уже белый лист и тени – стёртые ластиком остатки того, что было здесь раньше.

Глаза не закрываются. Даже если бы на них решило пристроиться какое-нибудь насекомое, присело бы почистить лапки на наружной поверхности этой перегоревшей лампочки, это не возымело бы никакого эффекта. Да и какое насекомое захотело бы?..

Ветер колышет одежду – часть материального, одно из оков настоящего. Ветер ерошит волосы, взмывая вверх, протягивая и устремляя к облакам – пытаюсь возродить то, что неизбежно хочет пасть.

Руки в стороны – последний открывающий жест, закрывающий эту главу. Глаза закрываются, чтобы погрузиться в темноту – вечность, чтобы через несколько секунд с ней соприкоснуться.

Никаких шагов – лишь лёгкий наклон, и вода, что бушует внизу, уже тянет, будто предвидя конец и желая его. Всего несколько секунд, и всё это – закончится, наступит вечность, которая примет безоговорочно и даст умиротворение и покой. Всего лишь бездна – тёмная, немая, пустынная.

Пустая, как голова, как закрытые глаза, как сосуд с нацепленной на него одеждой. Волны жадно скалят зубы и высовывают влажные языки, но... Но боли нет. Нет бездны, нет холода и пустоты, нет ощущения одиночества и вечность. Лишь спина окутана мягким покрывалом, и тонкий воздушный аромат скользит меж пальцев, залечивая раны и проникая внутрь. Лишь ветер переплетает волосы с цветами, воссоединяя с небом, и глаза открыты вновь – чтобы видеть то, что перетянуло на свою сторону.

Цветы укрывают тело, расступаясь перед спиной и давая ей пройти глубже, погружая тело всё ниже, в себя. Лишь жёлтый цветок, мягко обвитый ослабевшими пальцами, плавно качается на ветру, возвышаясь над всей этой небесной долиной. Он один светится, не давая руке погрузиться вслед за телом. Но это всё же должно произойти, ведь это – неизбежность. Кокон из пальцев укрывает это маленькое создание и плавно пронесит через голубое поле, чтобы прижать к груди, в которой с новым ритмом забилося сердце. Глаза закрываются вновь, но с губ слетает жизнь. Тело проходит сквозь мятные листья и прохладно-сладкие лепестки, и спускается ниже – куда?

Обратно на землю? Что ж, и это – неизбежность. Лучистая неизбежность, прижатая к живой груди.

Анастасия Шушкова

ТЫ СТАНЦУЕШЬ СО МНОЙ?

Не мог бы ты уделить мне немного времени? Может, это затянется, но тебе так не покажется. Время летит слишком странно, чтобы часы вдруг не оказались секундами.

В самом деле, почему бы тебе не уделить мне немного времени? Пожалуй, я попрошу всего лишь ночь. Но, конечно, время – странная штука.

Почему бы тебе не станцевать со мной? Это не займёт много времени. Как это будет? – наверняка спросишь ты, и я, конечно, объясню.

Мы выйдем на улицу под вечер, когда в окнах загораются искусственные предатели чужих жизней, но которые станут нашими компаньонами на эту ночь. Я выведу тебя за руку, – возьмусь раз, чтобы больше не отпускать до самого рассвета – и сразу закружусь, чтобы не терять того, что нам осталось. Юбка взовьётся вверх, вскинет свои подолы, и мы вскинем руки – конечно, чтобы дотянуться до звёзд, зачем же ещё это делается? И мы пойдём по улицам: куда поведут наши ноги, не думая о маршрутах, не останавливаясь. Будем идти до самого рассвета – туда, докуда донесут нас наши ступни. Мы будем ступать совсем мягко, почти невесомо, и ты не почувствуешь усталости, пока золотое солнце не коснётся твоих волос. Мы будем идти сквозь огни и тьму, мы будем огибать ямы и проваливаться в лужи, но никто не упадёт – ведь наши руки не расцепятся. А даже если мы свалимся в мягкую лесную траву, в которую превратится обычный газон, разве это помешает нам продолжить наш танец? Мы будем вскидывать руки и ноги до тех пор, пока не погаснут звёзды, а потом, оторвав взгляды друг от друга, посмотрим на порозовевшие облака, остановившись, может, на краю обрыва, а может, в самом центре города – ещё не проснувшегося, не видящего нового рассвета, который облизнет наши глаза. Тогда, наверное, мы и прервёмся, остановившись, и отдадимся зрению, а не осязанию. Но наши тела будут помнить прохладу ночи, прикосновения звёзд, взгляды окон и фонарей, но ни в коем случае не людей. Почему? – спросишь ты, а я, конечно, отвечу.

Потому что вокруг никого не будет. Потому что мы никому не нужны так, как нужны друг другу. Какая разница, что подумает тот, кто будет возвращаться поздно домой? Какая разница, окликнет кто-то или нет? Они просто будут завидовать, потому что у них никогда не было таких ночей, а у нас – будет.

Может, мы никуда и не сбежим, а лишь вернёмся обратно, но мы посетим место, в котором не был никто – станем первопроходцами, совершим самое великое путешествие из всех возможных.

Уйдём туда, где никого больше нет. И такого больше никогда не повторится – это я могу тебе обещать. Мы не замёрзнем и не запаримся – нас не будет это касаться. Мы ощутим лишь то, как лунный свет мягко падает на плечи, а звёзды сыплются за шиворот, путаясь в волосах.

Так что, ты станцуеть со мной?

Анастасия Шушкова

ВОЛНА

Волна. Удар. Крик.

Вы когда-нибудь танцевали с морем?

С тем самым, полным необъятной бушующей синевы, безудержным в силе и прекрасным. Тем самым, выбивающим весь воздух из легких, тянущим в глубину магнетизмом волн. Вниз, к самой сути. Ты как будто ныряешь сам, иллюзия, страстный и жестокий самообман. Страстный лишь в уверенности ожидания. Воды накрывают с головой - вверху метры глубины как аквамашиновая пелена. Почти как темнеющий свод небес, ему не дано проясниться. Только слабые всполохи солнца пробиваются сквозь ленты волн.

Ты лишь ожидаешь. В этом и страсть момента, риск - подсознательно ты уже вкушаешь лавры своей победы. В этом и ошибка. Готов ли ты по-настоящему проиграть, вверяя себя стихии?

- Не верь ему, - тихий шум волн, под водой он мантра, молитва, наполняющая всё существо. Но ты противишься и, отрицая, импульсивно отталкиваешь синеву над головой. Море не может предать, а запаса воздуха и самообмана тебе еще хватит с избытком..

Но оно выталкивает тебя на поверхность, заставляя сделать хриплый вымученный вдох. Твой крик застывает в легких, ты не знаешь - чего бы в нем было больше радости или досады.

Все окончилось, в кружевах пены взгляд лучистых волн мерещится ласковым, нежным, а от недостатка кислорода щемит в груди. Хочется сделать соленый глоток воды, не морской.

А море забирает покой.

Ты качаешься на расслабленных волнах, спокойно, почти умиротворяюще. Ты по-прежнему уверен. По-прежнему ощущаешь присутствие чего-то сильного, неразрывно-связанного, монолитного.

Но и море пребывает в одном состоянии вечно, его сознание в пике беспокойства искажается, и надламывается, это не может убить его, лишь делает сильнее. И безумный оглушающий поток силы поднимается девятым валом. Ты по-прежнему с ним, по-прежнему созерцаешь, пытаешься понять. Бушующее море ломает не тебя, но в гнев его поработил красоту много веков назад. Она ошеломляет.

Ты не находишь своего беспокойства в его силе, умиротворении, гнев. Мечешься в забвении, думаешь, анализируешь - пока не осознаешь собственную зависимость. Море не добро и не зло, оно может быть безжалостным и милосердным, но никогда не сможет чувствовать. А ты успел понять и вдохнуть его часть. Насладиться ей, как сутью самой жизни.

Миг для моря оборачивается твоей вечностью. Оно было и будет, принимало и миловало до тебя и после. От осознания не становится легче.

Ты возвращаешься много раз и каждый раз в твоём сознании что-то надламывается больше и больше, ты ещё не море, тебе не выпустить бушующей силы. Но ты вдохнул часть его спокойствия, и оно медленно поглощает тебя, пытаюсь лишить чувств.

И вот ваш танец завершён, ты стоишь с готовностью сделать завершающий жест. Но в этот миг что-то ломается в тебе окончательно, морское спокойствие слетает вмиг неверной иллюзией и ты ощущаешь себя почти раскрытым перед его чарующим лицом вод. Ты сломлен, ибо его стихией ты кажется никогда и не был, а был совсем иной, воздушной и светлой.

А было ли море тем, чем ты принял его? Влага замирает в сполохах ресниц. Шепот волн будто даёт сбой в своей вечной музыке. Море дарит тебе последние объятия и вы расстаётесь как будто знакомы вечность и в то же время, меньше её мига.

Уходя, ты слышишь вой морского ветра и тихий яростный плеск волн, но это все лишь мираж и отголоски собственного безумия. Покидая его, ты каждый раз уходишь навсегда.

Светлана Назарова

ЧЕРНОЕ И ЖЕЛТОЕ

Вечер. Ветер ласково проводит своими невидимыми руками по замерзающим кронам, мечтая их согреть в это приятное время суток, но даря лишь прохладные касания. К сожалению, по вечерам ветер редко бывает тёплым, только если он очень сильно этого захочет. Но он ведь в самом деле иногда вырывается из преследующего его холода, так что стоит его за это похвалить, верно?

Почему бы и нет.

Птицы уже не поют, они отправились в свои мягкие гнёзда – закрывать глаза и дарить своим усердным грудкам заслуженные часы покоя. Лишь только люди всё никак не хотят утомиться и дарят себе и друг другу радость, смеясь где-то сбоку, наверное, слева или справа. Но этот смех – пикантное добавление к прохладному нежному вечеру, укрывающему небо в свои морские объятия.

Трава вокруг высокая – по пояс. Она качается по бокам травинки, и ты чувствуешь себя странником, оказавшимся в поле вечерней звезды. Ты будто первооткрыватель этого чудного места, и кажется, никто не видел его таким, каким видишь ты. Конечно, оно всегда, каждый вечер укрывалось синевою и подёргивалось пеленой розового или жёлтого, но кто замечал? А если кто и замечал, то кто – чувствовал? Не столь важно лицезреть, сколь важно пропустить через себя то, что тебя окружает. Чтобы понять, что этот миг – такой единственный, и что он больше никогда не повторится. А если и повторится, то уже в совершенно других обстоятельствах, а какой же тогда это повтор?

Да, это мгновение – единственное, такое свежо-тёплое, слегка прохладное. Шелестит трава, и ей вторит, играя засыпающими листьями, ветер, создавая чудесную мелодию тишины, не способную разрушиться даже под влиянием звонкого смеха. В приглушённых тонах выделяется глухо-жёлтое пятно, вдающееся в обстановку и чувствующее себя, как дома. Холодные пальцы касаются тёплых и переплетаются с ними, слегка притягивая к себе, словно вьюнок охватывает оказавшуюся рядом оградку, оплетая её своими тонкими усиками и стройным стебельком. Лёгкое движение с обеих сторон, и жёлтое с чёрным сливается, окунаясь в постороннее поле – миг, который скоро исчезнет, словно его никогда и не было.

Небо не укрывает, словно пелена, оно освещает и придаёт миру объём, которого он заслуживает, сужаясь при этом до размера мгновения, уцепившего двоих в свои объятия. Он лелеет их, даёт насладиться собой, дарит всё до конца, совершенно безрассудно, зная, что найдёт отклик в равнодушных сердцах. Ветер сегодня не греет, как бы ни хотелось, но, может, оно и к лучшему? Если бы грел ветер, зачем нужно было бы создавать мимолётный костерок между двух тел? Костерок, на мгновение, на этот миг захвативший сердца и души, позволивший им обменяться мельчайшими частичками.

Ветер не греет, но греют двое, и они стоят, переплетя пальцы и ресницы, и травы касаются их ног и пальцев. Деревья шумят, кто-то смеётся, а двое стоят, слушая тишину и сердцебиение друг друга. А двое стоят, чувствуя, как небо покрывает мир и покрывает их, осыпая тайнами звёзд – такими далёкими и такими неважными, составляющими одну из лёгких деталей этого мгновения.

Руки всё греются, и эти двое – тоже, и чёрное переплетается с жёлтым, укутываясь в него, в этот мягкий тёплый, но не жгучий цвет. Нельзя продлевать мгновения, нельзя задерживать их навечно, ведь иначе вся их душа исчезнет, и в тебе не останется ничего, ты перегоришь, как уставшая звезда, а такого допускать ни в коем случае нельзя. Очередной порыв ветра срывает их с места, и они продолжают прокладывать свой путь через поля, продвигаясь навстречу таким же мгновениям, таким же лёгким и сближающим моментам, которым не жалко отдать всё без остатка, доверившись, позволяя наполнить себя новым и свежим, всем, что есть, всем, что не жалко отдать.

Анастасия Шушкова

К КАРТИНЕ ЕВГЕНИИ КОВАЛЕНКО «МЕЛЬНИЦА ЖИЗНИ»

Многие посетители выставки картин Коваленко останавливают свой взгляд именно на этой картине. Как легко и просто изображён пейзаж, но его так и хочется разглядывать, находя всё новые детали. Лёгкие и размашистые мазки, словно ветерок, бегающий по золотистому полю.

Вот взор притягивает фигура в красном, которая резко контрастирует с остальным фоном. Яркий силуэт девушки словно маяк среди нежно-золотистых, бледно-голубых и розовых тонов. А красная шляпа – это шляпа Жени (на фото Женя в такой же шляпе). Для меня эта картина – воспоминание о теплом лете, о солнечных лучах и золотых полях, о прохладном ветерке и пёстрых красках лета.

Дарья Сидорова

«ЕВГЕНИЯ КОВАЛЕНКО. ВЕЧНЫЕ 20 ЛЕТ»

Она оставила свой след в вечности, сжатой до рамок времени.

Евгения Коваленко – девушка, для которой «жизнь была стрелой, пущенной смертью». Это личность яркая, неординарная. Её работы, несмотря на техническое несовершенство, наполнены искренним чувством. Мы видим в её рисунках и резвость, и плавность движений одновременно.

Даже ничего не зная о художнике, мы однозначно скажем, что это открытый и эмоциональный человек, ведь темы, которые он затрагивает, сокровенны, а краски – яркие и разнообразны. Работы Жени продиктованы эмоциями – и так ли важна отточенность техники? Картины Евгении Коваленко – пример того, что художественность не в копии реальности, а в чувствах художника.

Через картины можно увидеть, понять и почувствовать их создателя.

Светлана Назарова

КАК Я ВИЖУ КАРТИНЫ ЕВГЕНИИ КОВАЛЕНКО

Творчество Евгении Коваленко уникально. Ее картины завораживают и буквально заставляют рассматривать их бесконечно, открывая тебе всё новые смыслы.

Почему же картины Евгении пленят?

Коваленко, как представитель «наивного искусства», стремясь донести моментальное впечатление, свои эмоции, переживания или восторженность не боялась «отбросить» какие-то моменты природы, цвета, рисуя простые формы. Главной задачей для неё в искусстве являлась не конкретизация объектов, а иллюстративное, стилизованное изображение.

Рассмотрев, например, её картину «Танцующие в темноте» сначала видишь лишь образы яркие и простые, но в то же время понятные и легко узнаваемые.

После замечаешь динамичность всей картины, выраженную не только в «летающих», структурных мазках, но и в цветовом контрасте в целом. Используя свободно, казалось бы, не сочетаемые цвета: болотный цвет для фона и ярко-красный оттенок для фигур, картина вовсе не ухудшалась, а наоборот приобретала яркие цветовые акценты, которые как раз и «притягивают» взгляд зрителя.

Для меня работы Евгении Коваленко - образец свободы в живописи, возникающий, когда мастер, не следуя живописным канонам, а следуя собственной интуиции, переплавляет свои эмоции в цвет.

«Наивность» в её работах и есть главная уникальность и необычность, отличающая картины Жени от остальных.

Кристина Артамонова

ЕВГЕНИЯ СЕРГЕЕВНА КОВАЛЕНКО

Родилась 7 апреля 1980 г. в Москве. В 1996 г окончила с золотой медалью школу №1269 (теперь ГБОУ Московская международная школа) г. Москвы. Выпускница МГУ им. Ломоносова (факультет журналистики). Знала немецкий, английский, чешский и испанский языки. Работала корреспондентом программы «События» (ТВ Центр, Москва). С детства интересовалась драматургией и живописью, посещала мастер-класс в Российской академии художеств. 13 октября 2000 г. погибла в автокатастрофе. Похоронена в г. Таррагона, под Барселоной, Испания.

С октября 2000 г. – многочисленные выставки картин в России и за рубежом (Франция, Испания), в том числе в Московском музее современного искусства (Петровка, 25), в музее Эклибриса, Испанском центре, институте Сервантеса, галереях Интерколор, «Акварин», «Садовое кольцо» и др. Образ Евгении запечатлен в портретах народных художников России Ильи Глазунова и Игоря Обросова, французский художник Г.Юон-Эргин посвятил ей свою выставку «Новое путешествие Евгении». Пьеса Евгении Коваленко «История болезни любви» представлена на театральных сценах (с апреля 2002 г. – Центр В. Высоцкого, реж. Р. Сотириади), Иркутский молодежный театр «Лики» (2007 г.). Спектакль – дипломант 3-го Международного фестиваля «Театр детства и юности-21 век» в Воронеже (октябрь 2003 г.), Международного театрального фестиваля молодежных театров (Пфорцхайм, Германия, 2007). Картины Евгении представлялись на ежегодном Международном фестивале «Август» памяти поэта Ильи Тюриня (Москва-Пушкинские горы) – август 2004-2014 гг.

2006 г. - Мемориальный музей Евгении Коваленко «Вечные 20 лет» получил сертификат о соответствии статусу «Музей образовательного учреждения» правительства Москвы – департамента образования. Изданы книги-альбомы, посвященные творчеству Евгении.

Книга «Евгения Коваленко. Вечные 20 лет» внесена в каталог Библиотеки Конгресса США (№ 2005371706), пьеса «История болезни любви» переведена на немецкий язык.

Адрес школы: 111401, Москва, 3-я Владимирская ул., 26А.
Телефон: +7 (495) 305-70-20

Сетевые ресурсы, посвященные Евгении Коваленко:

<http://www.evgenia20.ru>

<http://sch1269v.mskobr.ru>

<http://www.netslova.ru/kovalenko/>

<http://eugenia-k.chat.ru>

<http://www.artinfo.ru>

ЕВГЕНИЯ КОВАЛЕНКО. ЭСКИЗЫ ИЗ СЕРИИ «ТАНЕЦ», 1999

ИЗ ЖИЗНИ МОСКОВСКОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ШКОЛЫ

ИЗ ЖИЗНИ МОСКОВСКОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ШКОЛЫ

